
Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти (1945–1965)

Алексей Попов, Никита Пивоваров, Ксения Сак

Rhythms of the past: the first anniversaries of the Great Patriotic War in Soviet memory politics (1945–1965)

Alexey Popov (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia),

*Nikita Pivovarov (Institute of World History of the Russian Academy
of Sciences; National Research Nuclear University MEPhI
(Moscow Engineering Physics Institute), Russia),*

*Ksenia Sak (I.M. Sechenov First Moscow State Medical University
(Sechenov University), Russia; V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X23030094, EDN: ERBAKT

«Между прошлым и будущим»: мемориальный феномен годовщин и юбилеев.

Для любого общества характерно выделение особых, памятных дат, которые формируют «сакральное время», отличное от обыденного, «профанного»¹. Календарь не только структурирует коллективную память о прошлом, но и выступает одним из катализаторов мемориальной активности². «Круглые» даты выступают своеобразными «точками сборки» прошлого, настоящего и будущего. На их смысловое наполнение большое влияние оказывают конъюнктура — текущая общественно-политическая ситуация, и ретроспективная составляющая, связанная с традициями проведения торжеств³. Например, описывая многочисленные проявления «юбилеемании» в Российской империи второй половины XIX — начала XX в., К.Н. Цимбаев видит в ней реакцию властей и определённой части общества на внешнеполитические неудачи и нарастание кризисных явлений внутри страны, направленную на сохранение стабильности политических институтов и консолидацию нации⁴.

Исходя из этого, мы намерены рассмотреть первые годовщины событий Великой Отечественной войны (в первую очередь — Дня Победы) с точки зре-

© 2023 г. А.Д. Попов, Н.Ю. Пивоваров, К.В. Сак

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00812, <https://rscf.ru/project/23-28-00812/>

¹ См.: Zerubavel E. Hidden rhythms: schedules and calendars in social life. Berkeley, 1985. P. 101–137.

² В связи с этим отдельные исследователи даже используют понятие «диктатура юбилеев» (см., например: Кузнецов А.А., Маслов А.Н. Диктатура юбилеев: мемориальный бум как призрак иной повседневности // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2013. С. 1425–1461).

³ Добренко Е. Красный день календаря: советский человек между временем и историей // Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино: к 60-летию Ханса Гюнтера. СПб., 2002. С. 98.

⁴ Цимбаев К.Н. Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX — начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108.

ния политики памяти, обратив внимание на их идеологические, мобилизационные, статусные, геополитические и иные аспекты. Под понятием «политика памяти» с учётом дискуссий о его содержании и наличия близких по значению терминов («историческая политика», «режим памяти»)⁵, мы понимаем составляющую символической политики, задача которой — производство и поддержание определённых общественных представлений о прошлом для достижения устойчивости господствующего политического режима.

Характеризуя состояние историографии, в первую очередь следует указать на работы А.Е. Махнырёва, который на основе разнообразных источников подробно проанализировал процесс подготовки и проведения некоторых масштабных исторических юбилеев: 800-летия со дня основания Москвы (1947), 30- и 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции (1947, 1957), 300-летия воссоединения Украины с Россией (1954), 150-летия Отечественной войны 1812 г. (1962)⁶. Однако следует обратить внимание на то, что для всех этих торжеств, за исключением двух революционных⁷, характерна значительная дистанция между самим событием и юбилейным торжеством. Это обуславливало качественные изменения коллективных представлений о событиях прошлого. «Живая» память очевидцев уступила место форме культурной памяти, опирающейся на каноничные и во многом мифологизированные тексты-сюжеты⁸.

Выбор достаточно короткого хронологического отрезка позволяет более глубоко понять механизмы формирования институциональных основ, идеологического содержания и сценарно-ритуальной составляющей празднований. 20-летие Победы в 1965 г. имело определённую преемственность по отношению к предыдущим годовщинам, но в то же время явилось качественным сдвигом в политике памяти и во многом предопределило содержание последующих «круглых дат»: 30-летия в 1975 г. и 40-летия в 1985 г.⁹

Стоит оговориться, что, хотя и в публицистических текстах, и в разговорной речи чаще использовалось название «День Победы», вплоть до конца советской эпохи 9 мая официально именовалось «Праздником Победы», а в расширенном варианте: «Праздником Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Официальной иерархии совет-

⁵ Подробнее см.: *Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. Сборник научных трудов. М.; СПб., 2018. С. 31–33.

⁶ *Махнырёв А.Л.* Роль и место исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР: 1945–1964 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015; *Махнырёв А.Л.* 800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы. М.; СПб., 2017; *Махнырёв А.Л.* 30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции? М.; СПб., 2019; *Махнырёв А.Л.* Куда дул ветер хрущёвской «оттепели»? Взгляд в зеркала двух исторических юбилеев. М.; СПб., 2020.

⁷ О годовщинах революции 1917 г. см.: *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. С. 15–77; *Тихонов В.В.* Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // *Российская история.* 2017. № 2. С. 92–112.

⁸ О различиях коммуникативной и культурной памяти см.: *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 50–59.

⁹ Подробнее см.: *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа... С. 198–210; *Попов А.Д.* Празднование 40-летия Победы и тенденции развития исторической памяти о Великой Отечественной войне в последнее советское десятилетие // *Российские регионы: взгляд в будущее.* 2018. Т. 5. № 2. С. 15–34; *Потёмкина М.Н.* Сохранение памяти о Великой Отечественной войне в контексте праздника «День Победы» // *Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия.* XXXVII Адлерские чтения. Краснодар, 2021. С. 309–314.

ских праздников не существовало, этот день являлся одним из восьми «все-народных праздников», перечисленных в указе Президиума Верховного совета СССР «О праздничных и памятных днях» от 1 октября 1980 г.¹⁰ В своё время М. Рольф предложил классификацию советских праздников, разделив их на три категории с понижением степени значимости: 1) общегосударственные, являющиеся нерабочими днями; 2) общегосударственные, остающиеся рабочими днями; 3) профессиональные и региональные¹¹. Хотя эта классификация достаточно условна, она, как представляется, отражает динамику восприятия Дня Победы структурами власти.

Праздник Победы (9 мая): появление в календаре. 9 мая 1945 г. советские граждане узнали не только о капитуляции германских вооружённых сил, но и о том, что эта дата объявлена «Праздником Победы» с определением его как нерабочего, «красного» дня календаря¹². 10 мая появились приказ верховного главнокомандующего № 369, в котором среди прочего говорилось о проведении в этот день праздничного артиллерийского салюта¹³, а также обращение И.В. Сталина к советскому народу¹⁴. Констатировался вклад вооружённых сил и всего народа в достижение победы и ничего не говорилось о личных заслугах лидера. Однако сопутствующие тексты сразу же встроили новую веху советской истории в обновлённую версию культа личности. Победное завершение войны рассматривалось как достижение, которое стало возможным лишь под гениальным руководством «вождя народов». Яркий пример — фрагмент газетной публикации того времени: «В эти дни праздника наши думы невольно обращаются в будущее. Мы уверенно и радостно смотрим в него. Пусть ликующие наши голоса, полные благодарности и любви к великому Сталину, светлый гений которого озарял нам путь в эти годы, который спас нашу страну от разорения и гибели — подхватят наши дети и передадут нашим внукам, и будут они звенеть, как пение птиц, в те дни грядущего, когда будет праздноваться День Победы!»¹⁵.

В результате образ Сталина слился с победой, фактически вытеснив образы военачальников и героев войны. Одним из основных визуальных символов позднего сталинизма стала учреждённая 9 мая 1945 г. медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», на лицевой стороне которой помещался сталинский профиль. В номерах «Правды» за 9 мая в первые послевоенные годы на первой полосе всегда размещался портрет «вождя»¹⁶. По мнению Г.А. Бордюгова, это способствовало «консервации» официальной версии памяти о войне вплоть до 1953 г.¹⁷

Поскольку мемориальный календарь всегда содержит не одну, а несколько памятных дат, важным представляется вопрос об их соотношении. В 1945–1947 гг. к традиционным идеологическим праздникам, дававшим право на вы-

¹⁰ ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 136, д. 772, л. 1–2.

¹¹ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 141–142.

¹² Указ Президиума Верховного совета СССР об объявлении 9 мая 1945 г. Праздником Победы // Правда. 1945. 9 мая.

¹³ Приказ Верховного главнокомандующего по войскам Красной армии и Военно-морскому флоту // Правда. 1945. 10 мая.

¹⁴ Обращение тов. И.В. Сталина к народу // Правда. 1945. 10 мая.

¹⁵ Ромашов Б. Голос нашей славы // Гудок. 1945. 13 мая.

¹⁶ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 35–37.

¹⁷ Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа... С. 177–178.

ходной (22 января — День памяти жертв Кровавого воскресенья, 1–2 мая — Международный праздник трудящихся, 7–8 ноября — годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, 5 декабря — День Сталинской Конституции СССР) добавились ещё два: 9 мая (Праздник Победы) и 3 сентября (Праздник Победы над Японией)¹⁸. Однако в декабре 1947 г. Праздник Победы вновь стал рабочим днём, а нерабочим сделали Новый год (1 января)¹⁹. Что же касается Праздника Победы над Японией, то уже в мае 1947 г. он стал рабочим днём²⁰, а затем фактически перестал отмечаться.

В историографии не раз высказывалось предположение о том, что понижением статуса 9 мая Сталин отреагировал на усиление авторитета участников войны и распространение среди них идей о необходимости либерализации советского общества. Этой же логикой исследователи обычно объясняют и некоторые другие его действия: блокирование инициативы С.А. Лозовского по созданию первых ветеранских организаций²¹, кампанию по дискредитации Г.К. Жукова и его окружения²², отмену в 1948 г. денежных выплат фронтовикам-орденоносцам²³ и др. Всё это в целом выглядит логично, но не подтверждается ссылками на конкретные источники, которые позволили бы реконструировать позицию и аргументацию советского руководства по данному вопросу²⁴.

Исключение Праздника Победы из перечня нерабочих дней действительно свидетельствовало о понижении его символического статуса на официальном уровне. Но нередко встречающееся в публицистических текстах утверждение об «отмене Дня Победы» ошибочно. К 9 мая по-прежнему ежегодно приурочивалась достаточно обширная программа мемориальных мероприятий. Как и некоторые другие праздники (23 февраля, 1 мая, 7 ноября²⁵), он имел определённую организационную и содержательную специфику в связи с тем, что сценарий предусматривал проведение артиллерийского салюта. Поэтому накануне торжества всегда утверждался и публиковался в прессе приказ министра обороны СССР, который имел типовую структуру: обращение к рядовому и командному составу вооружённых сил; краткую преамбулу с описанием внутри- и внешнеполитической значимости праздника; поздравительную часть; распоряжение о проведении салюта с указанием городов и количества залпов (обычно от 20 до 30)²⁶.

После смерти «вождя» идеологическая трактовка «авторства» Победы начала меняться. Акцент сместился на заслуги «мудрого руководства Коммунистической партии и советского правительства». Потребовалось некоторое время, чтобы найти новые формулировки, отражающие актуальный баланс полити-

¹⁸ Подробнее о формировании праздничного календаря в 1920–1930-е гг. см.: *Рольф М.* Советские массовые праздники. С. 140–147.

¹⁹ В Президиуме Верховного совета СССР // Правда. 1947. 24 декабря.

²⁰ В Президиуме Верховного совета СССР // Правда. 1947. 8 мая.

²¹ *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество... С. 37.

²² *Хлевнюк О.* Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 373–374.

²³ См., например: *Житут С.* «Когда мы вернулись с войны...» // Родина. 2019. № 5. С. 32–37.

²⁴ Примечательно, что формально инициировал перевод дня из выходного в рабочий А.И. Микоян, представивший стандартный проект постановления без инициативной записки: РГАНИ, ф. 3, оп. 26, д. 61, л. 7.

²⁵ О специфике Первомайских и ноябрьских торжеств см.: *Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю.* Демонстрация дискурсивной власти: высшее партийное руководство СССР и организация празднования 1 мая и 7 ноября (1950–1960-е годы) // Исторический курьер. 2021. № 6. С. 59–73.

²⁶ См., например: Приказ министра обороны Союза ССР // Правда. 1953. 9 мая.

ческих сил. Видимо, из-за этого накануне 9 мая 1953 г. после обсуждения в ЦК КПСС решили не публиковать уже подготовленную в гранках большую статью Жукова «Всемирно-историческая победа советского народа»²⁷. Но и в 1953, и в 1954 гг. базовый сценарий и масштаб празднования Дня Победы не претерпели значительных изменений. В центре и на местах всё так же проводились торжественные собрания, СМИ размещали тематические информационные материалы, организовывались лекции, беседы и другие культурно-просветительские, творческие, спортивные мероприятия, возлагались венки к памятникам погибшим в годы войны²⁸.

О Победе 10 лет спустя. От первой «круглой» даты окончания войны ожидали чего-то резонансного и запоминающегося. На деле же празднование в столице и регионах прошло без каких-либо заметных новаций, за исключением того, что 8 мая 1955 г. в здании Большого театра в Москве состоялось торжественное заседание представителей советских, партийных, общественных организаций, армии и флота. Несмотря на присутствие руководства страны, включая Н.А. Булганина, К.Е. Ворошилова и Н.С. Хрущёва, решением ЦК КПСС с основным докладом выступил главнокомандующий сухопутных войск маршал И.С. Конев. Исследователи акцентируют внимание на том, что, хотя в оформлении зала по-прежнему использовались совмещённые профили Сталина и Ленина и два упоминания о Сталине всё же присутствовали в докладе, личный вклад «вождя народов» в разгром Германии в значительной мере оказался нивелирован²⁹. Говорилось о том, что Победа достигнута благодаря совместным усилиям народа и армии, правительства и партии, причём последняя называлась «вдохновителем и организатором всех наших побед». Кроме того, данное историческое событие вписывалось в актуальные внутри- и внешнеполитические контексты. С одной стороны, докладчик подчеркнул, что «советский народ упорно трудится над выполнением величественных задач, поставленных нашей Коммунистической партией и направленных на дальнейшее укрепление могущества нашей Родины». С другой — он заявил, что «если империалистический лагерь навяжет нам войну, то советский народ и его Вооружённые силы [вновь] сумеют постоять за свободу и независимость»³⁰.

Значительная часть программы пришлось на 8 мая, поскольку это был выходной день (воскресенье). На тот момент в Москве, Ленинграде и многих других городах ещё не существовало крупных мемориалов, посвящённых Великой Отечественной войне. В этих условиях особое значение приобрели материальные «реликвии». Так, повышенным интересом пользовалась экспозиция Центрального музея Советской армии, особенно Знамя Победы³¹. Как сообщалось в прессе, тысячи трудящихся Москвы и военнослужащих посетили парк музея, где состоялись торжественный вынос Знамени Победы и встречи с Героями Советского Союза, а также прошли народные гуляния³². В Ленинграде боль-

²⁷ РГНИ, ф. 3, оп. 50, д. 581, л. 53–54.

²⁸ См., например: Там же, д. 582, л. 2.

²⁹ *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа... С. 179–180; *Болтунова Е.* «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // *Неприкосновенный запас*. 2017. № 6. С. 116.

³⁰ Доклад маршала Советского Союза И.С. Конева // *Правда*. 1955. 9 мая.

³¹ Реликвии Победы // *Советская культура*. 1955. 10 мая.

³² В честь знаменательной даты // *Правда*. 1955. 9 мая.

шой наплыв посетителей наблюдался в Артиллерийском музее, где находились образцы основных типов орудий военного времени³³.

На основе анализа центральной периодики Бордюгов утверждает, что большой размах, большее количество мест проведения, более насыщенную программу мероприятий имело отмечавшееся накануне (7 мая) празднование 200-летия Московского государственного университета³⁴. В нём приняли участие делегации нескольких десятков зарубежных вузов, в том числе Болонского, Кембриджского, Колумбийского, Оксфордского, Парижского университетов³⁵. Однако можно спорить о том, стоит ли делать выводы о масштабности праздника лишь на основе газетных публикаций, в отсутствие статистических данных. Обратим также внимание на то, что юбилей МГУ отмечался только в Москве, тогда как мероприятия в связи с 10-летием Победы — во всех уголках страны. На региональном уровне наиболее массовыми они оказались в городах-героях — Ленинграде, Сталинграде, Севастополе, Одессе. Например, в Севастополе прошли общегородское торжественное собрание в Доме офицеров, собрания и митинги на кораблях Черноморского флота, возложение венков и цветов к обелиску на Сапун-горе и другим военным памятникам, народные гуляния на Историческом и Приморском бульварах³⁶.

Непосредственно 9 мая (понедельник) в отдельных дневниковых записях того времени описывалось как достаточно рутинный трудовой день. Так, главный агроном одного из колхозов зафиксировал лишь информацию о вспашке полей и внесении удобрений³⁷. В то же время писатель Э.Г. Казакевич отметил значимость этой даты: «10 лет со дня победы над Германией. Это гордое чувство — быть одним пусть из миллионов победителей, участников этой самой тяжёлой и самой великой из войн»³⁸. Особую атмосферу дню придавал праздничный салют из 30 артиллерийских залпов, состоявшийся вечером в Москве, столицах союзных республик и в городах-героях³⁹.

Празднование 10-летия Победы позволило переосмыслить значимость этого события, в значительной степени избавив его общественное восприятие от влияния сталинского культа. Актуализировался вопрос об увековечении памяти погибших участников войны, тем более что мероприятия выявили недостатки в этой области. Вскоре этот вопрос стал предметом рассмотрения высшего партийно-государственного руководства СССР.

Годовщины и мемориалы: мобилизационный эффект. Увековечение памяти о погибших традиционно связано с мемориализацией мест захоронений и созданием памятников. Уже в 1942–1944 гг. архитекторы и скульпторы решали не только срочные и более прикладные задачи вроде разработки типовых проектов надгробий для многочисленных братских могил, но и приступили к созданию эскизных проектов крупных памятных сооружений в Москве, Ленинграде, Ста-

³³ Реликвии боевой славы // Известия. 1955. 8 мая.

³⁴ Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа... С. 181–182.

³⁵ Крепнут международные связи советской науки // Советская культура. 1955. 10 мая.

³⁶ В городе черноморских моряков // Правда. 1955. 9 мая.

³⁷ Дневник агронома Льва Горелика. Дневниковая запись от 9 мая 1955 г. (URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221955-01-01%22&diaries=%5B1742%5D>).

³⁸ Дневник писателя Эммануила Казакевича. Дневниковая запись от 9 мая 1955 г. (URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221955-01-01%22&diaries=%5B149%5D>).

³⁹ Приказ министра обороны СССР № 81 от 9 мая 1955 г. // Правда. 1955. 9 мая.

линграде, Севастополе и других городах⁴⁰. 2 апреля 1944 г. группа представителей творческой интеллигенции обратилась к Сталину с инициативой создания Пантеона Славы. Судя по описанию его концепции, этот объект представлялся как грандиозный памятник-музей, посвящённый событиям Великой Отечественной войны. Завершить его создание предполагалось в «день празднования первого десятилетия победы над фашизмом», т.е. к середине 1950-х гг.

Однако на деле мемориализация посредством крупных архитектурно-скульптурных сооружений «запаздывала». В условиях острого дефицита материально-технических, финансовых и трудовых ресурсов приоритет отдавался восстановлению предприятий, транспортной инфраструктуры и разрушенных городов, строительству общественных зданий утилитарного назначения. На территории страны насчитывалось всего несколько десятков крупных мемориальных сооружений в виде традиционных обелисков и однофигурных композиций⁴¹. Как правило, они увековечивали события, связанные с конкретным воинским подразделением, и находились на местах наиболее ожесточённых боёв, часто представлявших собой господствующую высоту за пределами населённого пункта. Например, на территории Крымского полуострова силами отдельной Приморской армии в апреле–октябре 1944 г. соорудили три памятника-obeliska в память о погибших «приморцах»: на горе Митридат в Керчи, на Сапун-горе и на мысе Херсонес в Севастополе⁴².

Спустя десять лет после Победы стало очевидно, что основные работы по восстановлению народного хозяйства выполнены. Появилась возможность сконцентрировать усилия на создании крупных мемориальных объектов, синтезирующих военную и общегражданскую память о ключевых событиях войны. В июне 1955 г. Жуков, занимавший в то время должность министра обороны СССР, обратился в ЦК КПСС с инициативой о создании нескольких «значительных памятников». Он считал необходимым достойным образом увековечить память погибших и способствовать воспитанию советского народа, особенно молодёжи, на славных боевых традициях вооружённых сил. Местами сооружения таких мемориалов он называл Москву (или Подмосковье), Ленинград, Сталинград, Севастополь и Одессу⁴³.

В декабре 1956 г. в ЦК КПСС поступила совместная записка Д.Т. Шепилова, Е.А. Фурцевой, Г.К. Жукова и Л.И. Брежнева «Об увековечивании побед советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Предлагалось к маю 1960 г., т.е. к 15-летию Победы, воздвигнуть памятник Победы в Москве, а также монументы в Ленинграде, Сталинграде, Киеве⁴⁴, Севастополе и Одессе. Организация творческих конкурсов и финансирование строительства мемориала в Москве поручались общесоюзным, а для остальных городов – республиканским органам исполнительной власти⁴⁵. Однако общий проект по-

⁴⁰ Подробнее см.: *Малинина Т.Г.* Память и время: из художественного архива Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2011. С. 226–250.

⁴¹ *Змеул С.Г.* Архитектура памятников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дис. ... канд. архитектуры. М., 1950. Т. 2 (Приложения). Табл. 1. Дано количество отдельно стоящих крупных мемориальных сооружений без учёта памятников на братских могилах и мемориальных кладбищах.

⁴² Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3287, оп. 1, д. 30, л. 6–7, 12–13.

⁴³ РГАНИ, ф. 4, оп. 16, д. 39, л. 114–115.

⁴⁴ Хотя этот город не упоминался Жуковым в его обращении.

⁴⁵ Записка «Об увековечивании побед советского народа и его Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» // Памятник Победы. История сооружения мемориального

становления ЦК по этому вопросу не состоялся, и в дальнейшем принимались отдельные решения по каждому из мемориалов.

Известно много других примеров увязки «круглых» памятных дат с созданием новых мемориальных объектов. На фоне 15-летия битвы за Москву зимой 1956–1957 гг. решили соорудить памятники и обелиски в местах наиболее ожесточённых боёв на подступах к столице — на Бородинском поле, в Дмитрове, Клину, Можайске, Солнечногорске. Но центральное место отводилось мемориалу в честь Победы советского народа непосредственно на территории Москвы⁴⁶. Его заложили в 1958 г. на Поклонной горе, однако объект, задумывавшийся как наиболее статусный, по ряду причин получилось завершить только в 1990-х гг.⁴⁷

Реализация инициатив и решений середины 1950-х гг. показала, сколь сложный и многофакторный это процесс. Крупные памятники и мемориальные комплексы почти гарантированно превращались в долгострой⁴⁸. Поэтому впоследствии стало практически нормой не планировать окончание сооружения таких объектов к конкретной годовщине, а уже на финальной стадии строительства «подгонять» открытие к мемориальной дате. Примечательно, что в инициативных записках о праздновании 20-летия освобождения Ленинграда и Белорусской ССР городские и республиканские власти среди прочего запрашивали у ЦК КПСС разрешение проводить общественный сбор средств на сооружение крупных мемориалов⁴⁹.

В 1950-х гг. также впервые стали системно обсуждать физическое состояние захоронений военного времени. Значительная часть надмогильных сооружений создавалась из «недолговечных материалов» (прежде всего фанеры и досок⁵⁰), уже спустя 5–10 лет они стали разрушаться. К началу 1951 г. на территории РСФСР на учёте находились всего 8733 братских могилы воинов Красной армии, партизан и мирных жителей, причём у 5374 (61,5%) из них надмогильные сооружения требовали замены, а 7803 (89,4%) не имели оград. При этом констатировалось, что в наиболее неудовлетворительном состоянии — братские могилы в Московской, Ленинградской, Сталинградской, Калининской, Крымской, Ростовской и Смоленской областях⁵¹, т.е. на местах наиболее интенсивных боёв.

Во многом именно процесс подготовки к памятным датам стимулировал деятельность по восстановлению и благоустройству мемориального наследия военного времени. В частности, практически во всех постановлениях ЦК КПСС о праздновании годовщин Великой Отечественной войны говорилось, что местные органы власти должны к 9 мая привести в порядок братские мо-

комплекса Победа на Поклонной горе в Москве. Сборник документов 1943–1991 гг. / Под. ред. Н.Г. Томилина. М., 2004. С. 80–81.

⁴⁶ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 581, л. 99.

⁴⁷ См.: Памятник Победы: история сооружения...

⁴⁸ Подробнее см.: *Попов А.Д.* «Мемориальный долгострой» как феномен позднесоветской действительности (на примере городов-героев Юга России) // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма. Материалы VI всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2019. С. 201–208.

⁴⁹ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 583, л. 71, 95, 99.

⁵⁰ Не случайно в стихотворении поэта-фронтовика Б.А. Слуцкого «Голос друга» (1952) говорится о «фанерных монументах», а фанера метафорично называется «мрамором лейтенантов».

⁵¹ ГА РФ, ф. А-259, оп. 6, д. 6848, л. 16–19.

гилы и организовать возложение к ним венков⁵². К середине 1960-х гг. в масштабах всей страны уже окончательно утвердилась практика шефства над ними трудовых коллективов и учебных заведений. Работы чаще всего приурочивались к общесоюзному или локальному календарю памятных дат⁵³. Фактически годовщины и юбилеи становились контрольными датами не только открытия новых, но также благоустройства уже существующих мемориальных объектов, а рост общественного внимания способствовал мобилизации материально-технических, финансовых, трудовых ресурсов.

20-летие начала войны: ситуативный интерес или смена мемориального вектора? В постановлении ЦК КПСС 23 апреля 1960 г. говорилось о необходимости «широко отметить исполняющуюся в текущем году пятнадцатую годовщину победы над гитлеровской Германией». Но нельзя сказать, что программа мероприятий в связи с этой датой чем-то существенно отличалась от 10-летия Победы или от «некруглых» годовщин 1958 или 1959 гг. (за исключением введения блока мероприятий за рубежом⁵⁴. Анализ утверждённых программ празднования годовщин Победы в 1961–1964 гг. также не выявил в них заметных новаций. Напротив, неожиданным и значимым событием первой половины 1960-х гг. стало проведение масштабных мероприятий в связи с 20-летием начала Великой Отечественной, что не было характерно ни для предшествующих, ни для последующих лет.

Принято считать, что советская политика памяти в основном концентрировалась на победно-героических, а не на трагических и травматических событиях. В частности, дата начала войны (22 июня) не входила в официальный календарь памятных дат, а связанная с ней мемориальная активность по своим масштабам всегда оставалась ограниченной. Кроме того, именно в 1950-х гг. потеряли свой статус несколько скорбных дат, игравших важную роль в предшествующие десятилетия. После 1951 г. перестал быть нерабочим День памяти жертв Кровавого воскресенья 1905 г. (22 января). В начале 1955 г. День памяти В.И. Ленина перенесли с даты его смерти (21 января) на день рождения (22 апреля), чтобы «более соответствовать всему духу ленинизма как вечно живого, жизнеутверждающего учения»⁵⁵. Резкое усиление официальной активности в преддверии 20-летия начала войны на этом фоне выглядит необычно.

По всей видимости, оно обуславливалось текущей внешнеполитической ситуацией. 19 мая 1961 г. Президиум ЦК КПСС утвердил текст постановления «О двадцатой годовщине со дня начала Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.», который включал нетипично большую для такого типа документов преамбулу — семь страниц машинописного текста. В ней подробно описывались основные причины начала Второй мировой и Великой Отечественной войн, их ход и результаты. Подчёркивались роль СССР как «ведущей силы антифашистской коалиции» и значение победы как свидетельства могущества и жизнеспособности страны. Также значительное внимание уделялось деструктивной политике возглавляемых США «сил реакции и агрес-

⁵² См., например: РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 581, л. 67, 71, 93, 95.

⁵³ Гогунская Т.А. Роль общественных инициатив в благоустройстве памятников Великой Отечественной войны: от шефства к волонтерству // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма... С. 71–79.

⁵⁴ См.: РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 582, л. 15–24.

⁵⁵ О Дне памяти В.И. Ленина. Постановление ЦК КПСС от 4 января 1955 г. // Правда. 1955. 11 января.

сии», из-за которых, «спустя почти 16 лет после окончания войны, всё ещё не подписан германский мирный договор». Далее перечислялись основные мероприятия, которые следовало провести по всей стране: собрания представителей общественности с принятием обращений к их зарубежным городам-побратимам; занятия «политинформацией» с разъяснением значения данной даты и распространение материалов о ней через периодическую печать, радио и телевидение. Кроме того, предлагалось организовать многочисленные встречи и лекции с участием ветеранов, научные конференции, публикации воспоминаний и исторических документов о Великой Отечественной (в том числе на страницах журналов «Вопросы истории», «История СССР», «Новая и новейшая история»). Характерно, что присутствовал и традиционный пункт о благоустройстве братских могил и возложении венков, однако в нём наряду с воинскими погребениями впервые особо упоминались и «могилы советских граждан, замученных немецко-фашистскими захватчиками»⁵⁶.

21 июня в Кремлёвском дворце съездов⁵⁷ состоялось собрание представителей общественности Москвы. Публикация его стенограммы в центральной прессе сопровождалась фотографией главного докладчика — Хрущёва в нетипичном для него медийном образе: в парадной военной форме со всеми наградами⁵⁸. Доклад фокусировал внимание на усиливавшейся конфронтации со странами Запада, рисках перехода к прямому вооружённому противостоянию, в том числе в связи с «германским вопросом»⁵⁹. Скорбный характер даты не предполагал «народных гуляний» и прочих зрелищно-развлекательных мероприятий, также не проводился салют. Однако определённое смещение акцентов от трагического к праздничному всё же допустили: вышли указы Президиума Верховного совета СССР о награждении Киева орденом Ленина и об учреждении медали «За оборону Киева», в которых столицу Украинской ССР впервые назвали «городом-героем»⁶⁰.

В предшествовавшие и последующие десятилетия специальных решений о памятных мероприятиях в связи с 22 июня не принималось, а посвящённые этой теме публикации появлялись в незначительном количестве или вообще отсутствовали. На основании этого можно сделать вывод, что мероприятия 1961 г. носили разовый характер, будучи вызваны внешнеполитической конъюнктурой.

Календарь и карта. При рассмотрении феномена годовщин и юбилеев значительный интерес представляют региональный аспект их организации и географическая локализация. Уже в дореволюционный период допускалось перенесение общегосударственного празднования из столицы на периферию

⁵⁶ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 582, л. 55–66.

⁵⁷ В первое послевоенное десятилетие традиционным местом проведения масштабных торжественных собраний всесоюзного уровня являлось здание Большой театра, затем несколько лет для этих целей использовался открытый в 1956 г. Дворец спорта Центрального стадиона им. В. И. Ленина, а с 1961 г. — Кремлёвский Дворец съездов. Это позволило увеличить максимальное количество участников с 1 800 до 6 тыс. человек. Мероприятие 21 июня 1961 г. стало одним из первых, проведённых в нём.

⁵⁸ Бессмертный подвиг советского народа // Правда. 1961. 22 июня.

⁵⁹ Внешнеполитическим фоном годовщины стали события, связанные с уничтожением самолёта U-2, пилотируемого Г. Пауэрсом, несостоявшаяся встреча в Париже руководителей четырёх держав, а также неудачные переговоры Хрущёва с новым президентом США Дж. Кеннеди в Вене, приведшие к очередному Берлинскому кризису.

⁶⁰ О награждении города Киева орденом Ленина // Правда. 1961. 22 июня.

(1000-летие российской государственности в Великом Новгороде), а наиболее масштабные юбилейные мероприятия проводились во всех губернских и уездных городах страны (100-летие Отечественной войны 1812 г., 300-летие царствования Дома Романовых)⁶¹. Во всех перечисленных случаях инициативы исходили из центра. Однако и в дореволюционный, и в советский период имели место случаи, когда проекты празднования тех или иных памятных дат выдвигали региональные власти с целью усилить субъектность, повысить статус, привлечь внимание к насущным проблемам региона, в том числе в мемориальной сфере.

В ноябре 1956 г. состоялись мероприятия, связанные с 15-летием «исторической победы Советской армии над немецко-фашистскими захватчиками под Москвой», которые ограничивались территорией столицы и области. Программа празднований, рассмотренная и утверждённая Президиумом ЦК КПСС, предусматривала проведение тематических бесед, встреч и лекций для представителей различных социально-профессиональных групп и публикацию серии информационных материалов⁶². Как и в случаях подготовки к Праздникам Победы, с инициативой празднования годовщины выступило Министерство обороны СССР. Столичные власти являлись лишь исполнителями, которым поручалось проведение намеченных мероприятий. Поэтому данный сюжет следует рассматривать скорее в контексте уже описанных мемориальных инициатив Жукова.

Очевидно, что «маршал Победы» проводил линию как на поддержание личного авторитета, так и на повышение общественно-политической роли вооружённых сил. Делалось это и посредством повышения символического статуса Великой Отечественной войны в общественном сознании. Интересно, что это происходило на фоне начавшихся в 1955 г. массовых сокращений в армии и на флоте, что приводило к недовольству офицерского состава. Окружение Жукова стало своего рода центром армейской антихрущёвской оппозиции. Сам он неоднократно высказывался против негативных, по его мнению, процессов в вооружённых силах и критиковал «неправильное» освещение событий 1941–1945 гг. в литературе, научных исследованиях, творческих произведениях⁶³. Одним из последствий такой позиции стало его отстранение от руководства Министерством обороны в октябре 1957 г. Причём Хрущёв тогда публично обвинил маршала в попытке создания собственного культа героя-полководца взамен сталинского⁶⁴.

В январе 1958 г., когда в высшую партийную инстанцию СССР обратился Сталинградский обком с просьбой разрешить отметить 15-летний юбилей победы в Сталинградской битве, вопрос решили положительно. На торжественные мероприятия специальной телеграммой пригласили Хрущёва, который весь период существования Сталинградского фронта входил в его военный

⁶¹ См.: *Лиманова С.А.* Столичные торжества Российской империи в царствование Николая II. М., 2017; *Дмитриева О.О., Иванова Т.Н., Минеева Е.К.* Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика (сравнительный анализ празднования 1000-летия российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия царствования Дома Романовых в Российской империи) // *Диалог со временем*. Вып. 72. 2020. С. 280–291.

⁶² РГАН, ф. 3, оп. 50, д. 581, л. 96–101.

⁶³ *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. Изд. 3. М., 2019. С. 193–195.

⁶⁴ См.: Пленум ЦК КПСС – октябрь 1957 г. Стенограмма // *Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы*. М., 2001. С. 243–244.

совет⁶⁵. Имя советского лидера как одного из организаторов победы в битве постоянно упоминалось в прессе того времени⁶⁶. Явное желание в выгодном свете показать его «выдающийся вклад», одновременно с критикой Сталина, прослеживается и в некоторых мемуарах военачальников⁶⁷. Однако Хрущёв отказался от личного участия в торжествах и в качестве официального гостя ЦК направил В.И. Чуйкова⁶⁸. Ни тогда, ни впоследствии Хрущёв не предпринял ничего, что можно расценить как одобрение конструирования его личного военно-героического культа.

2 февраля в здании городского драматического театра прошло торжественное заседание в связи с 15-летием победы в Сталинградской битве. Для участия в праздничных мероприятиях пригласили делегации из других городов-героев и городов, ведущих социалистическое соревнование со Сталинградом (Ворошиловград, Минск, Саратов), а также из чешского города-побратима Остравы⁶⁹. Проводились встречи с участниками битвы, выставки, театральные постановки, кинопоказы, состоялись открытие памятника-обелиска на площади Павших борцов и торжественная закладка мемориала на Мамаевом кургане⁷⁰.

Спустя 5 лет проводились мероприятия, приуроченные уже к 20-летию «битвы на Волге» — именно такое название использовалось в официальных документах и прессе после переименования Сталинграда в Волгоград. Из-за изменения внешнеполитической обстановки данная годовщина отмечалась уже как общесоюзная. Инициатором празднования выступило Министерство обороны СССР во главе с Р.Я. Малиновским⁷¹. В постановлении ЦК КПСС по этому вопросу подчёркивалась необходимость «пропаганды источников силы и несокрушимого могущества Советского государства и его армии» и говорилось о «неизбежности поражения любых агрессоров в войне против государств мировой социалистической системы»⁷². Торжественное собрание прошло в городе-герое на Волге, возложения венков — в Калмыцкой АССР, Астраханской и Волгоградской областях. Однако остальные акции рассчитывались на общесоюзную и даже зарубежную аудиторию. Возможно, из-за этого в город приехал Хрущёв, которого избрали почётным председателем торжественного собрания в Волгограде⁷³.

Похожие тенденции наблюдались в связи с «круглыми» годовщинами Курской битвы. В августе 1958 г. курские обком и облисполком приняли совмест-

⁶⁵ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 582, л. 4, 6, 8.

⁶⁶ См., например: *Падерин И.* Есть на Волге утёс... // Правда. 1958. 1 февраля.

⁶⁷ См., например: *Ерёменко А.И.* Сталинград: записки командующего фронтом. М., 1961. С. 468–472.

⁶⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Под. ред. А.А. Фурсенко. Т. 2. М., 2006. С. 757–758, 1009–1010.

⁶⁹ РГАНИ, ф. 4, оп. 16, д. 439, л. 121–122.

⁷⁰ В честь 15-летия Великой Победы под Сталинградом // Правда. 1958. 3 февраля; *Коновалов Ф.* В честь Великой Победы // Советская культура. 1958. 1 февраля. Подробнее о создании мемориала на Мамаевом кургане см.: *Palmer S.* How memory was made: the construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad // The Russian Review. Vol. 68. 2009. № 3. P. 373–407; *Попов А.Д.* Создание мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане: историческая память, искусство и советская монументальная пропаганда // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 28. 2023. № 1. С. 209–221.

⁷¹ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 583, л. 16–17.

⁷² Там же, л. 9.

⁷³ *Денисов Н., Чернущенко П.* Торжества на берегах Волги // Правда. 1963. 2 февраля.

ное постановление о проведении локальных мероприятий, связанных с благоустройством братских могил и возложением к ним цветов и венков в связи с 15-летием освобождения области от немецко-фашистских захватчиков⁷⁴. 20-летие разгрома немецко-фашистских войск на Курской дуге отмечалось уже на более высоком уровне. Интересно, что ещё в апреле 1963 г. с предложением масштабно отметить это событие выступили идеологический отдел и отдел административных органов ЦК КПСС. И только через месяц инициативные записки по этому же вопросу прислали областные руководители Курской и Белгородской областей.

В ЦК 20-летие битвы интерпретировалось как годовщина одного из ключевых событий Великой Отечественной войны, завершившего коренной перелом в её ходе. Явно продолжалась уже наметившаяся идейно-мемориальная линия, заданная 20-летием победы на Волге. В предложениях обкомов прослеживается желание в связи с предстоящей годовщиной получить из общесоюзного бюджета необходимые средства на строительство конкретных мемориальных объектов. Кроме того, они рассчитывали повысить символический статус связанного с их регионами исторического события, синхронно выступив с инициативой учреждения памятной медали «За битву на Курской дуге»⁷⁵.

Программа запланированного на январь 1964 г. празднования 20-летия разгрома немецко-фашистских захватчиков под Ленинградом формировалась ЦК с учётом инициатив Ленинградского промышленного обкома КПСС и в целом отвечала уже сложившемуся канону. Хотя и здесь допускалась определённая вариативность. В проведении артиллерийского салюта отказали — его не устраивали ранее при праздновании 20-летия битв на Волге и Курской дуге⁷⁶. В то же время впервые опубликовали в прессе текст торжественного поздравления ленинградцев в связи с годовщиной от имени ЦК КПСС, Президиума Верховного совета СССР и Совета министров СССР. Впоследствии такие же поздравления получили трудящиеся Одессы, Севастополя, Белорусской ССР, Литовской ССР, Молдавской ССР, Эстонской ССР, Латвийской ССР, Украинской ССР⁷⁷. При этом сами празднования 20-летия освобождения городов и республик проводились уже по схожему ритуалу.

Памятные даты и геополитика: международные акценты военных годовщин.

После начала холодной войны и связанного с ней противостояния двух систем мемориальная сфера оказалась вовлечена в орбиту традиционной и культурной дипломатии СССР⁷⁸. Особенно это было характерно для годовщин революции. В дни официальных торжеств в Советский Союз обычно прибывали десятки иностранных делегаций, представлявших правительственные, партийные, профсоюзные организации своих стран⁷⁹. Увековечение памяти о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн также постепенно приобрело

⁷⁴ Коровин В.В., Манжосов А.Н., Кизилова Е.В. «Теперь мы в граните и бронзе...» (Из опыта монументальной пропаганды событий и героев Курской битвы). Курск, 2020. С. 29.

⁷⁵ См.: РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 583, л. 40–50.

⁷⁶ Там же, л. 67–72.

⁷⁷ См.: Там же, л. 74, 80, 89, 103, 122, 139, 146, 154, 169.

⁷⁸ См.: Нагорная О.С., Никонова О.Ю., Попов А.Д. Историческая память как инструмент советской культурной дипломатии // Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны, 1945–1989. М., 2018. С. 202–225; Нагорная О.С. Память о Второй мировой войне в коммуникативных пространствах социалистического лагеря // Трансформация исторической памяти в региональном пространстве. СПб., 2021. С. 136–148.

⁷⁹ См.: Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю. Демонстрация дискурсивной власти... С. 65–66.

международное значение. В январе—мае 1955 г. в столицах ряда стран Восточной и Центральной Европы прошли мероприятия, связанные с 10-летием освобождения Варшавы и Праги, а также взятия Будапешта, Вены и Берлина. Высшие партийно-государственные органы СССР акцентировали внимание на информационном сопровождении этих годовщин в советской и зарубежной прессе. В частности, ЦК КПСС по просьбе Министерства обороны СССР и его Главного политического управления дал разрешение отдельным советским генералам и офицерам поделиться воспоминаниями об этих событиях в СМИ стран народной демократии⁸⁰.

В праздновании 10-летия Победы приняли участие представители «братских народов» и «друзья» из капиталистических стран. В одном из проектов постановления ЦК говорилось о направлении официальных приветствий правительствам Албании, Болгарии, Румынии, Польши, Чехословакии, Югославии. Такой перечень объяснялся тем, что «воинские части и партизанские отряды (этих стран. — *авт.*) сражались против гитлеровских захватчиков вместе с Вооружёнными силами СССР»⁸¹. Кроме того, Москву посетили несколько групп гостей из-за рубежа: участники движения Сопротивления и депутаты Национального собрания Франции⁸², а также американские ветераны — участники исторической встречи на Эльбе⁸³. Приёмы иностранных делегаций проходили на фоне Варшавского совещания европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе и подписания мирного договора с Австрией. 19 приглашённых бойцов французского Сопротивления получили от председателя Славянского комитета СССР А.С. Гундорова медали «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»⁸⁴.

Влияние международного фактора на празднование годовщин Победы заметно усилилось с 1960 г. К этому привели активизация противоборства с капиталистическими странами в рамках объявленного Хрущёвым курса на «культурное наступление» Советского Союза во всём мире, а также ускорение размежевания Восточной и Западной Германий. В этой связи впервые с предложениями по поводу праздничных мероприятий выступило Министерство иностранных дел СССР. Они касались не только проведения информационной кампании для зарубежной аудитории, но и возложения сотрудниками советских дипломатических миссий венков в странах Европы, «пострадавших от гитлеровской оккупации». Внешнеполитическое ведомство даже попыталось инициировать принятие обращения депутатов Верховного совета СССР к зарубежным парламентариям с призывом содействовать мирному урегулированию напряжённой ситуации вокруг Германии и Японии. Руководство ФРГ прямо обвинялось в «возрождении германского империализма», в то время как дружба и тесное сотрудничество с ГДР всячески подчёркивались, а сама она объявлялась «первым в истории миролюбивым государством немецкого народа»⁸⁵.

Цикл празднования 20-летних годовщин битв Великой Отечественной войны и освобождения городов-героев и регионов СССР также включал между-

⁸⁰ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 581, л. 62—63.

⁸¹ Там же, л. 66.

⁸² Прибытие в Москву французской делегации // Известия. 1955. 8 мая.

⁸³ Тарле Г.Я. Движение сторонников мира в СССР. М., 1988. С. 88.

⁸⁴ Сак К.В. Участники движения Сопротивления во Франции и советская наградная дипломатия (1955—1965 годы) // Исторический курьер. 2021. № 3. С. 137.

⁸⁵ РГАНИ, ф. 3, оп. 5, д. 582, л. 29.

народную повестку. Так, в связи с 20-летием битвы на Волге Хрущёв и Ма-линовский дали интервью для французского телевидения о значении этой годовщины⁸⁶. Часть информационной продукции, создававшейся в связи с годовщинами, переводилась на иностранные языки и затем распространялась через ТАСС, агентство печати «Новости», Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

20-летие Победы: синтез традиций и новаций. В трудах отечественных и зарубежных исследователей высказывается мнение, что в 1965 г. празднование Дня Победы перешло на качественно новый уровень. Его символическое значение резко повысилось⁸⁷. Чаще всего это объясняется политикой нового лидера партии Л.И. Брежнева, направленной на расширение его общественной поддержки за счёт бывших фронтовиков и усиления авторитета в армии⁸⁸. Для оценки обоснованности этих утверждений следует подробно рассмотреть процесс подготовки и проведения названных мероприятий.

Формально инициатива обновления празднования принадлежала первому секретарю ЦК компартии Украины П.Е. Шелесту. 12 января 1965 г. он передал в ЦК КПСС документ, в котором со ссылкой на многочисленные обращения трудящихся предложил вновь сделать 9 мая нерабочим днём и перенести на этот день военный парад, традиционно проводившийся 1 мая⁸⁹. К.Г. Вальтер, проанализировав переписку писателей К.М. Симонова и С.С. Смирнова с бывшими участниками войны, показала, что аналогичные предложения широко обсуждались в ветеранских кругах в 1964–1965 гг.⁹⁰

15 февраля Секретариат ЦК утвердил первый вариант проекта постановления о праздновании 20-летия Победы, содержание которого в целом соответствовало окончательной версии документа, принятой в конце марта. Главное отличие заключалось в том, что 9 мая оставили рабочим днём. Спустя три дня, уже на заседании Президиума ЦК, текст постановления рекомендовали доработать комиссии в составе М.А. Сулова, А.Н. Шелепина и Л.Ф. Ильичёва. 19 марта вопрос повторно рассматривался на заседании Президиума. Секретариат получил поручение в пятидневный срок подготовить окончательный вариант⁹¹.

Наконец, 30 марта Президиум утвердил постановление «О праздновании 20-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.». К нему шло приложение с перечнем мероприятий.

⁸⁶ Там же, д. 583, л. 23–32.

⁸⁷ См., например: *Болтунова Е.* «Пришла беда, откуда не ждали»... С. 124–125; *Шаттенберг С.* Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М., 2018. С. 422–423.

⁸⁸ *Митрохин Н.* Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003. С. 114; *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа... С. 191; *Копосов Н.* Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 102–104; *Шаттенберг С.* Леонид Брежнев... С. 89–91, 421–425 и др.

⁸⁹ РГАН, ф. 3, оп. 50, д. 583, л. 186–188. В дневниках Шелеста отсутствуют как упоминание об этой инициативе, так и сама тема празднования 20-летия Победы. Из контекста можно лишь понять, что 12–14 января 1965 г., когда документ был датирован и зарегистрирован как поступивший, он находился в Москве на заседаниях Президиума ЦК КПСС (см.: *Шелест П.Е.* Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 2016. С. 257–260).

⁹⁰ *Вальтер К.Г.* Конструирование памяти о Великой Отечественной войне: празднование 20-летия Победы в 1965 г. Выпускная квалификационная работа (магистерская диссертация). Рукопись. Европейский университет в Санкт-Петербурге. СПб., 2021. С. 20–25.

⁹¹ РГАН, ф. 3, оп. 50, д. 583, л. 177–190.

В первом же пункте объявлялось, что 9 мая теперь — нерабочий день⁹². Далее перечислялись традиционные для постановлений о годовщинах прошлых лет положения: о проведении пропагандистской и агитационно-массовой работы; организации на всей территории страны торжественных собраний, митингов, народных гуляний, лекций, бесед, встреч с ветеранами; помещении тематических материалов и воспоминаний участников войны в СМИ, подготовке музейных экспозиций, кинофильмов, филателистической продукции; проведении пресс-конференции для отечественных и иностранных журналистов, кинофестивалей, художественных выставок, «звёздной эстафеты», экспедиций и походов по местам боевой славы; «приведении в образцовый порядок» братских могил и памятников и возложении к ним венков. Как и в случае с 20-летием начала войны, особый акцент делался на научной составляющей — предлагалось провести сессии, конференции, заседания учёных советов в академических структурах, опубликовать исторические документы. В качестве новаций можно выделить пункты о приглашении на празднование в Москву Героев Советского Союза⁹³ и нескольких десятков официальных иностранных делегаций, а также проведение торжественных приёмов в посольствах СССР.

Главным идеологическим документом юбилея должны были стать «Тезисы к 20-летию победоносного завершения Великой Отечественной войны». Их первоначальный вариант, подготовленный сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под руководством П.Н. Поспелова, рассматривался на заседании Президиума ЦК 30 марта 1965 г.⁹⁴ Прозвучал ряд замечаний к их содержанию, наиболее принципиальные из которых касались оценки роли Сталина в войне и характеристики вклада в Победу союзников СССР⁹⁵. В итоге эти тезисы забраковали, вместо них появилось «Обращение к правительствам, парламентам и народам всех стран по случаю 20-летия Победы над фашистской Германией» с призывом к международной общественности предпринимать активные действия в защиту мира⁹⁶.

В течение апреля ЦК принимал постановления, включавшие в программу праздника новые инициативы, например, о чеканке и выпуске в обращение юбилейных монет и об учреждении памятной юбилейной медали «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»⁹⁷. Особняком стояло отклонение предложения об амнистии в честь 20-летия Победы⁹⁸. Судя по сохранившимся пометам, сделанным сотрудниками общего отдела на заседании Президиума 29 апреля, члены высшего партийного органа критически отнеслись к предложениям о полном освобождении инвалидов войны, награждённых орденами и медалями за участие в боевых действиях, а также женщин — участ-

⁹² Советские граждане узнали об объявлении Праздника Победы нерабочим днём 28 апреля 1965 г., когда в «Правде» был опубликован указ Президиума Верховного совета от 26 апреля 1965 г.

⁹³ Позже появилось дополнительное постановление, согласно которому каждому из них вручался ценный подарок — золотые часы марки «Полёт» с гравировкой (РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 584, л. 133–135).

⁹⁴ Там же, л. 4–54.

⁹⁵ Там же, л. 103–110.

⁹⁶ Обращение к правительствам, парламентам и народам всех стран по случаю 20-летия Победы над фашистской Германией // Правда. 1965. 10 мая.

⁹⁷ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 584, л. 124–125, 143–144.

⁹⁸ Там же, л. 120, 170 (предыдущая массовая амнистия состоялась в 1957 г. в честь 40-летия Октябрьской революции).

ниц войны. Возможно, число подлежавших амнистии (10–12 тыс. человек) показалось слишком большим⁹⁹.

Празднование сопровождалось массовыми награждениями. Медаль «Двадцать лет Победы» получили все служившие в Вооружённых силах СССР во время войны, а также бывшие партизаны и подпольщики¹⁰⁰ — более 16 млн человек¹⁰¹. Кроме того, накануне празднования были приняты положительные решения по многим наградным делам за военные заслуги, по каким-то причинам не утверждённым ранее. Например, в номерах «Правды» за 8 и 9 мая опубликованы указы о присуждении званий Героя Советского Союза 15 военачальникам армии и флота (в частности, С.Г. Горшкову и Ф.И. Толбухину), а также более 50 офицерам, рядовым, партизанам, подпольщикам. Орденом Ленина и другими орденами наградили различные воинские подразделения и военные учебные заведения. Кампанию завершило присвоение почётных званий: Москве — «Город-герой», Брестской крепости — «Крепость-герой», а городам из сформированного ранее круга городов-героев (Ленинград, Волгоград, Киев, Севастополь, Одесса) — орденов Ленина и/или медалей «Золотая Звезда»¹⁰².

9 мая вышел утверждённый днём ранее указ об объявлении 8 марта нерабочим днём. Чтобы логически связать это решение с 20-летней годовщиной в текст включили фразу о выдающихся заслугах советских женщин в защите Родины во время войны, их героизме и самоотверженности на фронте и в тылу¹⁰³.

Первоначально предполагалось, что на торжественном собрании в Москве с основным докладом выступит Малиновский. Однако 16 апреля вместо него докладчиком определили Брежнева¹⁰⁴. Министр обороны СССР получил возможность выступить с речью во время военного парада¹⁰⁵. На собрании, состоявшемся 8 мая в Кремлёвском Дворце съездов, в качестве почётных гостей присутствовали представители высшего государственно-партийного руководства страны, военачальники (включая Жукова), члены зарубежных делегаций. Содержание основного доклада вышло в «Правде»¹⁰⁶ и транслировалось по радио. В нём Сталин упоминался только один раз — как глава Государственного комитета обороны. Примечательно, что его фамилию встретили аплодисментами — это отметили в дневниках современники. Участвовавший в подготовке текста речи А.Е. Бовин вспоминал, что именно интерпретация роли Сталина

⁹⁹ Там же, оп. 16, д. 669, л. 92.

¹⁰⁰ Положение о юбилейной медали «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» // Правда. 1965. 8 мая.

¹⁰¹ Дённингхаус В., Савин А.И. «Смотришь, и Мане, и Тане какой-то “Знак Почёта” попадает». Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история. 2014. № 2. С. 127–149.

¹⁰² Подробнее о юридических аспектах присвоения статуса советским городам-героям и связанных с этим коллизиях: Попов А.Д. «Созвездие вечной славы»: города-герои Советского Союза в географическом и символическом пространстве // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2. С. 72–76; Красножёнова Е.Е., Михайлов А.А. Города-герои: становление почётного звания в период Великой Отечественной войны и в первое послевоенное двадцатилетие // Вопросы истории. 2020. № 12–1. С. 4–15; Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М., 2022. С. 19–105.

¹⁰³ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении в СССР Международного женского дня 8 Марта нерабочим днём» // Правда. 1965. 9 мая.

¹⁰⁴ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 584, л. 9, 129.

¹⁰⁵ Там же, д. 586, л. 23–26.

¹⁰⁶ Великая Победа советского народа. Речь товарища Л.И. Брежнева // Правда. 1965. 9 мая.

в войне являлась наиболее болезненной, и подтвердил сдержанное отношение Брежнева к данной теме, далёкое от проявлений «неосталинизма»¹⁰⁷.

Осторожное отношение к фигуре Сталина характеризовало всё коллективное руководство. Показательно, что из числа членов и кандидатов в члены Президиума ЦК, получивших проект доклада Брежнева, только первый секретарь ЦК компартии Грузии В.П. Мжаванадзе позволил себе выступить с критикой — именно из-за отсутствия в тексте подробной характеристики военных заслуг «вождя», попутно предложив переименовать Волгоград обратно в Сталинград¹⁰⁸.

15 апреля Президиум принял постановление о переносе военного парада на Красной площади с 1 на 9 мая¹⁰⁹. Накануне его проведения контр-адмирал запаса К.И. Деревянко обратился к высшему руководству СССР с просьбой разрешить принимать этот парад Жукову, по примеру Парада Победы 1945 г. Он утверждал, что такая кандидатура будет с удовлетворением воспринята ветеранами, всем советским народом, а также «напомнит западногерманским реваншистам то, что они стали забывать»¹¹⁰. Но идея не воплотилась, Жуков наблюдал за парадом с трибуны мавзолея как один из многочисленных почётных гостей. Во главе парадных расчётов шёл участник штурма Рейхстага Герой Советского Союза полковник К.Я. Самсонов со Знаменем Победы (ассистенты — М.А. Егоров и М.В. Кантария). В параде приняли участие около 12 тыс. военнослужащих, демонстрировались образцы военной техники, в том числе гигантские баллистические ракеты¹¹¹. Иностранные гости позже отмечали, что «впервые в жизни видели такие ракеты», и высказались за то, «чтобы никогда не настал тот день, когда нужно было бы использовать это страшное оружие»¹¹².

Сказался на юбилее и международный контекст: из-за войны во Вьетнаме в Москву не пригласили лидеров основных союзников СССР по антигитлеровской коалиции — США и Великобритании¹¹³. Однако прибыли и участвовали в мероприятиях делегации ветеранов из этих стран. Особое внимание оказалось уделено Франции, тем более что к 1965 г. Советский Союз вышел на довольно тесное политическое и экономическое сотрудничество с этой страной. Поэтому предлагалось не просто пригласить делегацию, но и наградить тамошних политических деятелей. В частности, глава МИД СССР А.А. Громыко, ссылаясь на просьбу генсека французской компартии В. Роше, посчитал нужным наградить орденом «Победа» президента Ш. де Голля — верховного главнокомандующего вооружёнными силами во время войны. До сих пор он не отмечался высокой советской наградой. Министр поручил послу во Франции «в осторожной форме прозондировать» почву и провести это предложение «через близкого к де Голлю государственного министра Жокса»¹¹⁴. Отдельно предлагалось наградить лётчиков полка «Нормандия—Неман».

¹⁰⁷ См.: Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2017. С. 123–124.

¹⁰⁸ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 585, л. 155–156.

¹⁰⁹ Там же, оп. 22, д. 213, л. 100.

¹¹⁰ Письмо К.И. Деревянко Л.И. Брежневу, А.И. Микояну и А.Н. Косыгину // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума... С. 541–544.

¹¹¹ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 584, л. 165–166.

¹¹² ГА РФ, ф. Р-5451, оп. 52, д. 729, л. 115.

¹¹³ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 584, л. 168.

¹¹⁴ Там же, оп. 16, д. 662, л. 145.

На параде 9 мая 1965 г. присутствовали представители политического руководства и военные делегации всех государств социалистического блока, включая Китай и Югославию, а также Алжира, Афганистана, Ганы, Гвинеи, Египта, Индонезии, Мали и Сирии¹¹⁵. Затем для почётных гостей устроили торжественный приём в Кремлёвском Дворце съездов¹¹⁶. Официальное празднование традиционно завершилось салютом. Помимо обычных мест проведения (Москва, столицы союзных республик и города-герои) 30 артиллерийских залпов произвели ещё в 20 городах¹¹⁷.

В научной литературе выдвинута гипотеза, согласно которой основной причиной использования нового формата празднования стало стремление продемонстрировать самой широкой международной аудитории мощь Советского Союза и так поддержать Вьетнам. Именно юбилей якобы стал «отправной точкой для использования памяти о войне во внешнеполитических целях»¹¹⁸. Однако, как показано выше, международный аспект сопутствовал годовщинам событий Великой Отечественной войны с середины 1950-х гг. Это объясняет и масштаб мероприятий — явно избыточных и не совсем рациональных, если бы расчёт делался только на зарубежную аудиторию.

Восприятие празднования советскими гражданами во многом формировалось под влиянием новых медийных каналов. Многомиллионная аудитория смотрела парад на Красной площади в телеверсии, и некоторые региональные газеты даже писали о том, что во время его трансляции «улицы опустели». Значительный резонанс имели и некоторые другие тематические передачи. В частности, впервые вышла в эфир впоследствии ставшая традиционной «Минута молчания», которая благодаря удачной концепции и продуманному закадровому тексту воспринималась как своего рода «светская литургия» или «советская молитва» по погибшим¹¹⁹. Судя по дневниковым записям современников, повышенным интересом пользовалась вечерняя программа «Голубой огонёк». На неё пригласили Чуйкова и других ветеранов, которые вновь открыто говорили о Сталинградской битве, а не «битве на Волге»¹²⁰.

На региональном уровне празднование также прошло со значительным размахом и подробно освещалось в СМИ. Помимо сообщений о митингах, торжественных собраниях, ритуалах у памятников, концертах и народных гуляниях, местная пресса сообщала об открытии новых монументов, музеев, мемориальных досок, а также о переименовании улиц в честь героев войны. Ряд заметок посвящался награждениям за военные заслуги и вручению ветеранам памятных подарков¹²¹. Судя по этим материалам, есть все основания полагать, что политический проект по повышению символического статуса Великой Отечественной войны встретил массовое одобрение советских граждан.

¹¹⁵ На страже Родины, на страже мира. Военный парад на Красной площади в Москве // Правда. 1965. 10 мая.

¹¹⁶ Приём в Кремлёвском Дворце Съездов // Правда. 1965. 10 мая.

¹¹⁷ Приказ министра обороны СССР // Правда. 1965. 9 мая.

¹¹⁸ Вальтер К. Г. Конструирование памяти о Великой Отечественной войне... С. 3, 56.

¹¹⁹ Локалов А. Тележурналист Ирана Казакова: мы написали первую советскую молитву // Родина. 2020. № 5. С. 88–90; Tumarkin N. The living & the dead: the rise and fall of the cult of World War II in Russia. N.Y., 1994. P. 40–43.

¹²⁰ Дневник морского офицера Ивана Селезнёва. Дневниковая запись от 11 мая 1965 г. (URL: <https://prozhito.org/note/482776>).

¹²¹ См., например: Празднует Крым // Крымская правда. 1965. 10 мая.

Подводя итоги, можно утверждать, что именно в 1945–1965 гг. сформировался базовый сценарий празднования памятных дат, связанных с событиями Великой Отечественной войны. Центральное место среди них заняло не 22 июня и не 3 сентября, а именно 9 мая — Праздник Победы. Многие элементы этого сценария — торжественные собрания, информационные кампании, военный парад 1965 г., артиллерийские салюты, народные гуляния — копировали мероприятия, ежегодно проводимые 1 мая и 7 ноября. При этом в силу специфики символического содержания День Победы не вступал с ними в противоречия.

По мере отдаления от военных событий усилилась инструментальная роль годовщин, направленная на решение в первую очередь внутривнутриполитических задач. Во многом это происходило потому, что советские граждане всегда поддерживали это мемориальное направление и активно участвовали во всех связанных с ним мероприятиях. К середине 1960-х гг. память о войне окончательно вошла в число наиболее эффективных символических ресурсов советского руководства. Она работала на идеологическую консолидацию и трудовую мобилизацию. В «сетке» календаря появились новые «точки сборки»: 20-летие Победы, годовщины важнейших битв, освобождения от немецко-фашистских захватчиков, присвоения звания города-героя и т.д.

Внешнеполитическая повестка также влияла на риторику празднования. Обращение к другим странам в контексте советского миротворчества являлось неотъемлемой частью праздничного нарратива, военные годовщины использовались для продвижения позитивного имиджа Советского Союза и формирования информационных поводов за рубежом. Однако конфронтация с бывшими союзниками и противоречия внутри социалистического блока ослабляли идейно-политическое воздействие такого рода призывов.